

Е. В. Шишкина

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

СИТУАЦИОННЫЙ ПОДХОД В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

Разработчики теории следственных ситуаций по-разному трактовали их сущность и содержание основных факторов, их формирующих. Вместе с тем все они отмечали, что эта научная категория имеет практическое значение для раскрытия и расследования преступлений: позволяет определить основные направления расследования. На первоначальном этапе расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, формируются несколько видов типичных следственных ситуаций, которые характеризуются разной степенью проблемности и требуют разрешения путем выдвижения типичных версий.

В статье рассмотрены основные типы следственных ситуаций, складывающихся по делам несовершеннолетних, проанализированы основные информационные трудности, которые их сопровождают. Отдельное внимание уделено ситуациям простого типа, в которых возникают неочевидные информационные барьеры, требующие распознавания и преодоления. Сделан вывод о том, что в простых ситуациях версии о невиновности несовершеннолетнего имеют особое значение, и приведены тактические правила их проверки. Изменения в динамике и структуре подростковой преступности в основном связаны с изменениями в типичных свойствах личности современного подростка, который стал более мобилен, технически грамотен, имеет обширные социальные связи. Анализируя исходные данные на первоначальном этапе расследования, следователь должен учитывать это при выдвижении версий о субъекте преступления, о действительных мотивах его поведения, о соучастниках и иных неизвестных обстоятельствах.

Ключевые слова: несовершеннолетний, ситуация, информационная неполноценность, версия, самооговор, проверка показаний

Для цитирования

Шишкина Е. В. Ситуационный подход в расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 4. С. 57–67. DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-57-67.

УДК 343.985.7

DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-57-67

Теория следственных ситуаций и вытекающий из ее основных положений ситуационный подход к расследованию преступлений не новы и на практике доказали свою значимость. Ситуационный подход применяется и в расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Более того, его актуальность в этой сфере значительно возрастает.

Один из основоположников теории следственных ситуаций Л. Я. Драпкин, 100-летие

которого в этом году отмечает криминалистическое сообщество, под следственной ситуацией понимал «мысленную динамическую модель, отражающую информационно-логическое, тактико-психологическое и организационное состояние, сложившееся по уголовному делу и характеризующее благоприятный или неблагоприятный характер процесса расследования» [Драпкин 1987: 17]. Очевидно, что ученый был сторонником «информационной модели следственной ситуации», кото-

рая, по его мнению, формируется в сознании следователя на основании отражения реальных условий расследования [Там же: 13].

Противоположной позиции придерживался Р. С. Белкин, рассматривавший следственную ситуацию как совокупность реальных условий расследования, т. е. обстановку, в которой протекает процесс доказывания [Белкин 2001: 629–630].

Таким образом, в криминалистической науке сформировались два основных подхода к пониманию следственной ситуации. При этом многие ученые неоднократно подчеркивали их право на существование, поскольку оба они характеризуют расследование [Волчецкая 1997; Карагодин 2008].

На наш взгляд, особого внимания заслуживает позиция И. Ф. Герасимова, который, выступая с критикой мнения Р. С. Белкина о трактовке следственной ситуации как внешнего фактора расследования, значительно расширил ее содержание, включив в него не только информационные элементы, но и их оценку. Именно оценка внешних факторов расследования, с точки зрения ученого, позволяет сформировать представление о них и способствует принятию оптимальных решений. Под следственной ситуацией И. Ф. Герасимов понимал «сложившуюся на определенный момент расследования, внутренне необходимо склонную к изменению совокупность характеризующих расследование материальных, информационных и иных факторов и их оценку, которая обуславливает основные направления расследования, принятие решений и выбор способов действия» [Герасимов 1976: 173].

Ценность данного определения, на наш взгляд, состоит в том, что в нем содержатся указания на наиболее значимые признаки следственной ситуации. В числе первых – динамичность следственной ситуации, ее склонность к изменению, что является важнейшей характеристикой ее состояния. Это свойство отражает сущность ситуации, о чем неоднократно писал и Л. Я. Драпкин. В частности, ученый отмечал, что динамичность ситуации расследования прежде всего обусловлена воздействием, которое на носителей доказательственной информации оказывают субъекты расследования (следователи, работники органа дознания), проводящие процессуальные и иные действия [Драпкин 1987: 17–18]. Од-

нако на развитие ситуации влияют и объективные факторы, прежде всего временные. С течением времени меняется следовая информация, которая содержится на материальных носителях и в памяти людей. Крайне важно, чтобы следователь осознал динамичность как непереносимое свойство любой ситуации; это имеет особое практическое значение, поскольку заставляет следователя проявлять активность в поиске и фиксации информации, а также принимать верные тактические решения при ее оценке.

Не менее ценным в определении И. Ф. Герасимова является указание на практическую значимость следственной ситуации, которую он видит в определении направления расследования и принятии следователем решений, в частности тактического характера.

Позиция И. Ф. Герасимова, на наш взгляд, примиряет разные точки зрения по поводу сущности следственной ситуации, поскольку, включая в ее определение оценку формирующих ситуацию факторов, он, с одной стороны, признает существование внешней, реальной ситуации и, с другой стороны, заявляет, что субъекту расследования необходимо ее осмыслить (оценить), т. е. сформировать мысленную модель, для осуществления следственной деятельности.

Типичные следственные ситуации расследования совершенно справедливо принято считать обязательными элементами структуры частных методик расследования преступлений любой разновидности. Их типичный характер определяется частотой, с которой встречаются формирующие их данные, связанные с характерными для определенного вида или группы преступлений обстоятельствами расследуемых событий. Из этого вытекает очевидная связь понятий «типичная следственная ситуация» и «криминалистическая характеристика преступлений». В. Н. Карагодин отмечает, что эти научные категории отражают разные явления объективной действительности, однако не отрицает, что «при построении мысленной модели реальной ситуации субъекты уголовного судопроизводства могут использовать сведения из криминалистических характеристик расследуемого преступления» [Карагодин 2008: 91]. По мнению Т. С. Волчецкой, пересечение указанных понятий наблюдается в информационном компоненте следственной ситуации [Волчец-

кая 1997: 91–92]. Как нам представляется, в наибольшей степени эта связь проявляется в оценке сложившейся ситуации и формирующих ее факторов, прежде всего информационных. Данные криминалистической характеристики часто используются в качестве теоретической базы для версий, поэтому очевидно их значение для разрешения ситуаций любого типа.

Поскольку методика расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, относится к категории групповых криминалистических методик, то вопрос о типичных ситуациях первоначального этапа их расследования решается своеобразно. Групповые методики, формируемые по признакам субъекта преступления, объединяют разные виды деяний, у каждого из которых есть типичные особенности. Соответственно классификация типичных следственных ситуаций здесь основана на характере (наличие и качество) информации о несовершеннолетнем субъекте преступления.

Первая группа типичных следственных ситуаций, возникающих при расследовании преступлений рассматриваемой нами категории, относительно проста, поскольку есть достаточные исходные сведения о событии, его участниках и иных значимых для расследования обстоятельствах. Такие ситуации принято называть благоприятными, простыми. По делам несовершеннолетних они складываются, когда заявитель прямо указывает на несовершеннолетнего как на лицо, совершившее преступление; когда несовершеннолетний явился с повинной; когда несовершеннолетнего задержали в момент совершения или непосредственно после совершения им преступления.

Л. Я. Драпкин называл основным методом расследования в условиях простых ситуаций «последовательное развертывание исходной информации и оптимальное использование сведений о разнообразных источниках доказательств» [Драпкин 2014: 24]. При этом важно, чтобы мысленная информационная модель ситуации максимально соответствовала реальной ситуации расследования, что даже в благоприятных условиях происходит далеко не всегда. К числу наиболее опасных несоответствий Л. Я. Драпкин относил случаи, когда сложная следственная ситуация неадекватно воспринимается как простая,

что создает трудности в ее разрешении, поскольку следователь ошибочно начинает применять неэффективные методы расследования [Там же: 24].

Чтобы распознать характер сложившейся ситуации расследования, следователь должен использовать уникальный метод, позволяющий не только строить прогнозы развития ситуации, но и разрешать ее. Такими свойствами наделен версионный метод расследования.

В числе наиболее значимых для благоприятных ситуаций следует назвать версии о невинности несовершеннолетнего. Информация о совершении преступления подростком, полученная из любого источника – от заявителя либо от самого подростка, должна быть подвергнута тщательной проверке. Недостоверность этой информации может быть обусловлена разными факторами: недобросовестностью или заблуждением заявителя, мотивами самоговора.

Зачастую заявителями о преступлениях несовершеннолетних выступают родители, педагоги, которые в свою очередь получают информацию о совершенном преступлении от несовершеннолетних жертв. Таким образом информация о событии, его мотивах, обстоятельствах произошедшего и личности виновного проходит несколько этапов, на каждом из которых может искажаться. Кроме того, несовершеннолетние потерпевшие могут по разным причинам утаивать от родителей (педагогов) правду о произошедшем, ошибаться в его оценке или указывать на невинное лицо, например, боясь назвать реального обидчика. Нельзя забывать, что большинство преступлений совершается несовершеннолетними в группе, и потому свидетелям или потерпевшим бывает трудно разграничить действия участников, особенно если преступление является сложным по механизму. Все это приводит к искажению первичной информации об участниках события и потому требует обязательной проверки.

Отдельно следует рассмотреть самоговор несовершеннолетних. Большинство причин самоговора кроется в свойствах подростковой психологии. Возможна неверная оценка ситуации подростком, когда он берет вину на себя, полагая, что последствия события связаны с его действиями. Его могут заставить или уговорить взять вину на себя те,

кого он боится, или те, кому доверяет. Самооговор может быть самостоятельным решением подростка, который по мотивам дружбы или родственной близости берет вину в содеянном на себя.

Самооговор несовершеннолетнего как форма дачи им ложных показаний представляет собой, как правило, не очень умело построенную, искаженную модель события. Недостаток криминального и жизненного опыта, элементарных знаний, отсутствие у подростка отдельных навыков приводят к тому, что эта модель оказывается плохо подготовленной и достаточно легко изобличается. Кроме того, зачастую для подготовки ложного заявления у подростка не хватает времени, если его задерживают непосредственно после совершения преступления. Все это создает неплохие условия для эффективного изобличения самооговора при проведении первоначальных следственных действий.

Некоторые авторы связывают ситуации самооговора с ошибками в действиях следователя. По мнению Е. Е. Центрова, «в основе самооговора нередко лежат определенные личностные особенности, а также нежелательные изменения, которые возникают в психике человека в результате ошибочного подозрения или обвинения его в совершении преступления» [Центров 2024: 459–460]. Таким образом, ученый предупреждает, что некоторые процессуальные нарушения и тактические просчеты следствия в работе с подозреваемыми тоже могут привести к самооговору. Несовершеннолетние подозреваемые находятся в еще более незащищенном состоянии на первоначальном этапе расследования, поскольку в силу возраста им трудно оценить ситуацию адекватно и полноценно.

И. А. Макаренко, анализируя ситуации допроса несовершеннолетних обвиняемых, отмечает, что их бесконфликтный характер не гарантирует правдивости показаний обвиняемого, поскольку несовершеннолетний «может добросовестно заблуждаться, ошибаться, неправильно понимать сущность тех или иных событий. Наконец, обвиняемый, чистосердечно признавая свою вину, может подсознательно стремиться к ее преуменьшению» [Макаренко 2012: 1117]. Ситуации самооговора автор также относит к мнимо бесконфликтным.

Версия о самооговоре, будучи типичной для преступлений несовершеннолетних,

должна быть тщательно проверена. При этом ее проверка должна быть одной из целей каждого следственного действия, проводимого на первоначальном этапе. Версия за счет выводимых из нее логических следствий определяет тактический рисунок следственного действия, помогает выбирать наиболее эффективные тактические приемы его проведения. При осмотре места происшествия важно искать следы пребывания подозреваемого на месте события и следы иных лиц, которых он может скрывать.

Важнейшее место в проверке этой версии занимает допрос несовершеннолетнего. Правильно подобранные тактические приемы детализации, постановки уточняющих, контрольных вопросов, предъявления доказательств могут помочь в изобличении лжи. Нужно оценивать поведение подростка, его реакции на поставленные вопросы, т. е. невербальные признаки передачи ложных сведений. В выборе тактики допроса важно руководствоваться также рекомендациями, в основе которых лежат психологические приемы взаимодействия с несовершеннолетними. Неверно выбранный тон разговора, непропорциональные методы психологического воздействия могут привести к даче подростком ложных показаний, в том числе к самооговору. И. А. Макаренко предупреждает об опасности создания при допросе сильной психологической напряженности, которая возникает при применении таких приемов, как ведение допроса в форсированном или замедленном темпе, внезапность, разжигание конфликта, а также нарушение «персонального пространства» [Макаренко 2011: 127].

К числу наиболее эффективных следственных действий, направленных на проверку версии о самооговоре, относят проверку показаний на месте. Если получено согласие подростка на участие в проверке его показаний, то необходимо на подготовительном этапе, исходя из анализа данных им при допросе показаний, обозначить контрольные точки проверки. Они, как правило, связаны с наиболее важными обстоятельствами события (механизм нанесения ударов, их последовательность, сила и направление), а иногда и со спорными обстоятельствами, относительно которых у следствия имеются сомнения о причастности к ним подростка. Например, это может быть слишком сложный, требую-

ций определенных навыков способ проникновения в квартиру (помещение). Хорошо продуманная тактика проверки показаний на месте позволяет изобличить самооговор и продемонстрировать самому подростку недостоверность его заявлений. Специфика данного следственного действия состоит в том, что при его проведении показания подозреваемого (обвиняемого) подвергаются усиленной проверке за счет пересекающихся информационных потоков, отражаемых в сознании следователя. Уникальность проверки показаний на месте придает еще одно очень важное обстоятельство: сама обстановка места проверки выполняет роль мощного проверяющего фактора, имеющего объективную природу. Встроить ложь в реальную обстановку, в которой происходило проверяемое событие, крайне сложно, а порой невозможно. Подростку такая задача чаще всего не под силу.

Е. Е. Центров, справедливо считая проверку показаний на месте очень эффективным способом распознавания самоговора, в то же время предупреждает о том, «что проверка показаний на месте является обоюдоострым, правового характера инструментом. Она может быть использована не только для проверки самоговора, оговора, истинности данных на следствии показаний», но еще и (при ее применении недобросовестными следователями) как способ «своеобразного закрепления полученных незаконным путем признаний подозреваемого (обвиняемого) в совершенном преступлении» [Центров 2020: 40].

Полагаем, что опасения ученого вполне обоснованны, тем более когда речь идет о несовершеннолетних. Нельзя забывать об особом психологическом состоянии лица, вовлеченного в систему уголовного судопроизводства, которая для него нова. Подросток скорее, чем взрослый, может испытывать после задержания растерянность, безысходность в сложившейся ситуации, неверно оценивать ее характер, степень доказанности своей вины. Все это требует от следователя максимально тщательной и всесторонней проверки признательных показаний, даваемых подростком.

В силу зачастую группового характера совершаемых несовершеннолетними преступлений версия о причастности к расследуемому событию иных лиц, кроме несовершеннолетнего, также имеет основания для выдвижения и требует детальной про-

верки. Заявления подростка о том, что он совершил преступление в одиночку, могут вызывать подозрения при оценке исходных данных о событии. Это могут быть сведения о наличии множества следов на месте происшествия, о характере вреда, причиненного жертве, в целом о механизме события, реализация которого предполагает действия нескольких лиц. Соккрытие соучастников и объяснение того, каким образом несовершеннолетний мог один осуществить эти действия, требует от него немалых интеллектуальных усилий. Как было сказано выше, при умелой тактике допроса подросток может быть изобличен во лжи. Особенность подобной ситуации заключается в том, что если подросток не знает точно, как действовал его соучастник на месте преступления, то ему придется придумывать это на ходу.

Соккрытие соучастников и объяснение того, каким образом несовершеннолетний мог один осуществить эти действия, требует от него немалых интеллектуальных усилий

Как и в случае самоговора, в число наиболее эффективных способов изобличения лжи в показаниях подозреваемых может входить проверка показаний на месте. Демонстрировать действия другого лица, выдавая их за свои, крайне сложно. Иногда это невозможно, поскольку объективная обстановка места проверки и имеющиеся в распоряжении следователя данные об отдельных обстоятельствах события, которые с ней связаны, способны показать ложь.

В качестве яркого примера может быть приведен случай из практики автора. Подросток 16 лет подозревался в совершении ряда краж из частных домов. После задержания он заявил, что все кражи совершил в одиночку. Однако по ряду причин возникли подозрения в наличии соучастника. Прежде всего смущали большой объем похищенного и разнообразие способов проникновения в домовладения с использованием разных инструментов. Тем не менее подозреваемый продолжал настаивать на том, что все преступления он совершал один. Подозрения в наличии соучастника усилились после допроса: подросток давал неполные показа-

ния относительно отдельных обстоятельств краж, в частности не всегда мог пояснить местоположение похищенного. При проверке показаний на месте их неполнота и противоречивость стали еще более очевидными. На месте одной из краж подросток довольно полно описал и показал места, где лежали вещи, похищенные из гостиной, а про изъятые из другой комнаты и чердака полных показаний дать не смог, попытавшись сориентироваться на месте. Однако его показания при этом не соответствовали данным осмотра места происшествия и информации, полученной от потерпевшего. Не совпали его показания и демонстрационные действия и с реальным способом взлома запирающего устройства. Под давлением улик подросток признался в наличии соучастника, назвав его имя. Им оказался ранее судимый совершеннолетний гражданин. Он внушил подростку, что в случае, если того поймут, ему выгоднее брать всю вину на себя, потому что за соучастие дают больший срок.

По ряду преступлений (в основном корыстных и корыстно-насильственных) имеются веские основания для выдвижения версии о причастности несовершеннолетнего к иным преступлениям этого вида. Версия о неоднократном совершении подобных преступлений при ее полноценной проверке нередко дает положительные результаты. Продуктивность подобных версий обусловлена тем, что они позволяют в общем количестве совершенных на территории населенного пункта (района) преступлений определенного вида выявлять схожие по обстановке, способам совершения, характеру жертвы и иным признакам деяния и проверять задержанное лицо на причастность к их совершению.

Подростковая преступность часто отличается богатой следовой картиной, в которой могут проявляться и неоднократно повторяться одни и те же характерные признаки, что подтверждает перспективность данной версии. При этом нельзя забывать, что проверка версии о причастности к иным преступлениям должна быть проведена максимально тщательно и объективно во избежание необоснованного обвинения. В числе наиболее эффективных следственных действий, направленных на проверку этой версии, может быть назван обыск по месту жительства несовершеннолетнего. Следует обращать осо-

бое внимание на предметы, происхождение которых вызывает сомнения (не подходят обыскиваемому по размеру, фасону, либо он сам не может объяснить их происхождение и пр.). Эффективность обыска по делам несовершеннолетних во многом определяется характером поставленных целей, в числе которых обязательно должны быть обнаружение обстоятельств, свидетельствующих о причастности подростка к иным преступлениям, помимо расследуемого.

Анализ динамики и распространенности преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также существенных изменений в структуре подростковой преступности, в социальных, нравственно-психологических характеристиках субъекта дают все больше оснований считать ситуации первого типа простыми лишь условно. По делам отдельных категорий доля информационной неопределенности в их структуре очень велика и требует соответствующего версионного и организационно-тактического сопровождения.

В качестве примера могут быть приведены участвовавшие в последнее время случаи «скулшуттинга». Во всех известных на настоящий момент фактах нападения на образовательные учреждения виновные лица (чаще всего это несовершеннолетние или лица молодого возраста) либо были задержаны, либо покончили с собой, либо были ликвидированы. Их личности во всех случаях были установлены. Однако неопределенными на первоначальном этапе расследования остаются многие обстоятельства. Прежде всего это реальные мотивы нападавшего, которые зачастую не соответствуют первоначальным предположениям и имеют глубокие корни. Ф. С. Сафуанов и Е. В. Васкэ, исследуя мотивацию преступных действий несовершеннолетних, приходят к выводу о том, что «поведение несовершеннолетних носит, как правило, полимотивированный характер, обусловленный совокупностью как осознанных, так и неосознаваемых мотивов» [Сафуанов, Васкэ 2010: 125].

В установлении мотивов следствие может столкнуться с противодействием заинтересованных лиц. Противодействие в установлении мотивов могут оказывать педагоги, которые скрывают случаи «буллинга», не приняли должных мер профилактического характера; родители, скрывающие факты семейного не-

благополучия, в том числе физического или психического насилия; несовершеннолетние свидетели (одноклассники, друзья), которые также могут быть не заинтересованы в раскрытии истинных причин совершенного деяния, поскольку могут иметь к ним прямое отношение.

Не менее сложно при расследовании подобных фактов установить полный круг лиц, которые могли содействовать подростку в подготовке и реализации его замысла. В их числе могут оказаться не только прямые соучастники преступления, но и те, кто проявил преступную халатность, недобросовестно относился к своим служебным обязанностям, к обязанностям по воспитанию подростка. Версии об источниках получения подростком материальных средств и о каналах приобретения оружия, навыков стрельбы, получения информации о режиме работы учреждения и иных важных для реализации замысла сведений требуют тщательной проверки и, как правило, оперативного сопровождения.

Ситуации второго типа отличаются от первых недостаточной полнотой сведений о субъекте преступления. Информационная неполноценность может быть разной в зависимости от соотношения известных и неустановленных данных. В исходные данные могут включаться сведения о причастности к преступлению несовершеннолетних. Более того, в показаниях потерпевших и свидетелей, а также в иных источниках могут содержаться отдельные сведения о них (имена, клички, некоторые данные о месте учебы или проживания). В подобном случае необходимо принять меры по установлению личности этих подростков и проверить версию об их причастности к событию.

Иногда на допросе потерпевший или свидетели могут заявлять, что преступление, скорее всего, совершили подростки. Такое предположение может быть сделано на основании собственной оценки этими лицами обстоятельств события. Версию о совершении преступления несовершеннолетним(и) в указанной ситуации требуется поддержать дополнительными фактами. Это может быть более частное предположение о том, что преступление совершили подростки, которые не только проживают в данном районе (микрорайоне), но и, возможно, часто проводят время в месте, расположенном неподалеку

от места совершения преступления, учатся в ближайшей к нему школе.

Наибольшая нагрузка в проверке версии о причастности к преступлению несовершеннолетних приходится на допрос потерпевших (свидетелей). Если допрашиваемый заявляет, что субъект преступления не достиг совершеннолетия, необходимо установить основания для такой уверенности. Могут быть применены направленные на уточнение полученных данных и их проверку тактические приемы, которые традиционно используются в ситуациях допроса с нестрогим характером конфликта [Баев 1992: 114–120]. Эти ситуации складываются, когда у следователя есть основания полагать, что допрашиваемый может заблуждаться в оценке события и его обстоятельств.

Основаниями для сомнений в достоверности информации о возрасте преступника могут быть неблагоприятные условия наблюдения (освещенность, расстояние, помехи) или состояние наблюдавшего (опьянение, стресс, испуг). Кроме того, нельзя забывать, что о возрасте очень часто формируются искаженные суждения.

А. Р. Ратинов, исследуя психологию допроса потерпевших и свидетелей, предупреждал еще об одной опасности. По его мнению, «стремясь к образованию логически цельной картины происшедшего, свидетель, если часть ее не была им воспринята, заполняет имеющиеся пробелы данными, почерпнутыми из своего опыта, и расценивает их как естественные, обязательные и для этого случая» [Ратинов 2001: 213]. В самом деле, некоторые действия и особенности поведения участников события в сознании свидетеля или потерпевшего могут ассоциироваться с поступками, характерными для подростков, что может ввести его в заблуждение. Проверка таких утверждений должна быть тщательной и последовательной. В некоторых случаях необходимо разъяснить допрашиваемому важность передаваемой им информации для розыска преступника, мотивируя его критически оценивать собственные показания.

Особенно важно подключать тактические приемы контроля и проверки информации, передаваемой несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями. Их способность определять возраст других людей значительно ниже, чем у взрослых [Катунова 2020:

64]. В уточнении сведений о внешности преступников здесь могут помочь приемы моделирования, аналогии, ассоциации.

В других ситуациях потерпевший или свидетель могут не сообщать сведений о возрасте нападавших, в то время как у следователя есть основания полагать, что это могли быть подростки. При выяснении этих обстоятельств следует быть предельно осторожным. Об опасности внушения и самовнушения предупреждают многие исследователи психологии допроса. А. Р. Ратинов связывает степень опасности внушения с неполнотой запомнившейся информации и индивидуальными особенностями личности допрашиваемого, считая наиболее опасными «прямые утверждения допрашивающего, сопровождаемые требованием или увещанием подтвердить или опровергнуть тот или иной факт» [Ратинов 2001: 222]. Ученый относил несовершеннолетних к числу наиболее подверженных внушению лиц [Там же: 225–226].

Версия о несовершеннолетних участниках расследуемого события проверяется не только при допросе потерпевших и свидетелей. Полученные исходные данные должны быть проверены при осмотре места происшествия, при проведении подворно-поквартирных обходов и иных оперативно-розыскных мероприятий, при назначении экспертиз по итогам первоначальных следственных действий. В любом случае наличие версии о субъекте преступления, в которой содержатся данные, позволяющие значительно сузить круг его поиска, способствует активизации расследования на его первоначальном этапе.

Если установлены сведения, подтверждающие версию о совершении преступления подростками, ее проверка, как правило, идет по пути выявления лиц несовершеннолетнего возраста, которые проживают в районе совершения преступления и уже совершали правонарушения, т. е. состоят на профилактическом учете в подразделениях по делам несовершеннолетних местного отдела внутренних дел. Это направление поиска является вполне разумным, поскольку, согласно данным криминалистических характеристик несовершеннолетних, они действительно чаще всего совершают преступления в благоприятной, знакомой для них обстановке. Тем не менее

современные реалии требуют не заикливаться на подобных предположениях и проверять на причастность подростков и из других районов. Современные подростки стали более мобильными, в основном за счет имеющихся у них материальных возможностей для этого. Ряд исследователей полагает, что есть основание говорить о формировании феномена «выхода молодых людей на рынок труда и обретения первичного трудового опыта еще во время учебы, гораздо раньше по возрасту, чем это было в 1980-е гг.» [Милюкова, Хохлов 2013: 74]. Это приводит к существенным изменениям в структуре преступности несовершеннолетних и значительно меняет типичные представления о личности такого преступника.

Третья разновидность типичных ситуаций характеризуется отсутствием в исходных данных сведений о субъекте преступления. Частные методики расследования преступлений отдельных видов содержат рекомендации по выдвижению типичных версий, в том числе и о субъекте преступления. Типичные версии о несовершеннолетних сопровождают первоначальный этап расследования многих преступлений: хулиганства, грабежей, вандализма, угона транспорта, краж и др. Дополнительными аргументами в пользу версии о несовершеннолетнем субъекте служат установленные в ходе первоначальных следственных действий обстоятельства – признаки, указывающие на групповой характер преступления, данные об обстановке, способе совершения, следовая картина, характер похищенного имущества.

Значение версии о несовершеннолетнем субъекте преступления сложно переоценить. Ее перспективность определяется выбором оптимальных и зачастую более очевидных направлений проверки. Несмотря на то что современный подросток, в отличие от своего ровесника, жившего несколько десятилетий назад, более мобилен, обладает навыками использования современных технологий, в частности для преступных целей, имеет широкие социальные связи, в выборе и реализации целей своей деятельности он остается еще незрелой личностью, что находит отражение в следовой картине события, участником которого он был.

Список литературы

- Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. 208 с.
- Белкин Р. С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 837 с.
- Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия: моногр. Калининград: КГУ, 1997. 248 с.
- Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1976. 184 с.
- Драпкин Л. Я. Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты раскрытия и расследования преступлений. Екатеринбург: Издат. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2014. 196 с.
- Драпкин Л. Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. 168 с.
- Карагодин В. Н. Общетеоретические положения криминалистики: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2008. 164 с.
- Катунова И. Д. Особенности визуального определения возраста человека // PSY-Вышка: сб. материалов Междунар. науч. конф. (31 октября – 2 ноября 2019 г.) / отв. ред. Е. С. Горбунова. М.: Рос. нов. ун-т, 2020. С. 63–65.
- Макаренко И. А. Классификация следственных ситуаций, возникающих при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 2. С. 1115–1119.
- Макаренко И. А. Проблемы допустимости психологического воздействия на несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2011. № 2. С. 125–128.
- Милюкова И. А., Хохлов Э. В. Трудовая занятость подростков как фактор социальной безопасности: опыт социологического исследования // Studia Humanitatis Borealis. 2013. № 1. С. 73–83.
- Рашинов А. Р. Судебная психология для следователей. М.: Юрлитинформ, 2001. 352 с.
- Сафуанов Ф. С., Васкэ Е. В. Психологический анализ мотивации преступных действий несовершеннолетних правонарушителей при совершении групповых и индивидуальных делитов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 2. С. 123–135.
- Центров Е. Е. Оценка достоверности признания лицом своей вины в целях его отграничения от самоговора и оговора // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. 2020. № 1. С. 21–42.
- Центров Е. Е. Руководство по следственной тактике: моногр. М.: Норма; Инфра-М, 2024. 576 с. DOI: 10.12737/2090010.

Елена Викторовна Шишкина – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: evsh18@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4152-3396

Situational Approach in the Investigation of Crimes Committed by Juveniles

Developers of the theory of investigative situations interpreted their essence and the content of the main factors, which form these situations, differently. However, all of them noted that this category is of practical importance for detection and investigation of crimes, for it allows determining the main directions of investigation. At the initial stage of investigation of crimes committed by minors, investigative situations of several types are formed, which should be resolved by putting forward typical versions.

The paper considers the main types of investigative situations arising in juvenile cases, analyzes the main information difficulties that accompany them. Special attention is paid to simple situations, which include non-obvious information barriers that require recognition and overcoming.

The author concludes that the version of a minor's innocence is of special importance in such situations, and reveals tactical rules of its verification. Changes in the dynamics and structure of juvenile delinquency are mainly associated with changes in the typical personality traits of a modern teenager, who has become more mobile, technically literate, and has extensive social ties. Analyzing the initial data at the initial stage of investigation, the investigator must take this into account when making versions about the subject of the crime, versions about the actual motives of his behavior, and versions about accomplices and other unknown circumstances.

Keywords: juvenile, situation, information disability, version, self-incrimination, testimony verification

Recommended citation

Shishkina E. V. *Situatsionnyi podkhod v rassledovanii prestuplenii, sovershaemykh nesovershennoletnimi* [Situational Approach in the Investigation of Crimes Committed by Juveniles], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2024, no. 4, pp. 57–67, DOI: 10.34076/2410-2709-2024-142-4-57-67.

References

- Baev O. Ya. *Taktika sledstvennykh deistvii* [Investigative Tactics], Voronezh, Izd-vo VGU, 1992, 208 p.
- Belkin R. S. *Kurs kriminalistiki* [Forensics Course], Moscow, YuNITI-DANA, 2001, 837 p.
- Drapkin L. Ya. *Kriminalisticheskie i operativno-rozysknye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii* [Criminalistic and Operational and Investigative Aspects of Crime Detection and Investigation], Ekaterinburg, Izdat. dom Ural. gos. jurid. un-ta, 2014, 196 p.
- Drapkin L. Ya. *Osnovy teorii sledstvennykh situatsii* [Fundamentals of the Theory of Investigative Situations], Sverdlovsk, Izd-vo Ural. un-ta, 1987, 168 p.
- Gerasimov I. F. *Nekotorye problemy raskrytiya prestuplenii* [Some Problems of Crime Detection], Sverdlovsk, Sredne-Ural. kn. izd-vo, 1976, 184 p.
- Karagodin V. N. *Obshcheteoreticheskie polozheniya kriminalistiki* [General Theoretical Provisions of Forensics], Ekaterinburg, Ural. akad. gos. sluzhby, 2008, 164 p.
- Katunova I. D. *Osobennosti vizual'nogo opredeleniya vozrasta cheloveka* [Features of Visual Determination of a Person's Age], Gorbunova E. S. (ed.) *PSY-Vyshka* [PSY-The Higher Ed]: conference papers, Moscow, Ros. nov. un-t, 2020, pp. 63–65.
- Makarenko I. A. *Klassifikatsiya sledstvennykh situatsii, vznikayushchikh pri proizvodstve verbal'nykh sledstvennykh deistvii s uchastiem nesovershennoletnego obvinyaemogo* [Classification of Investigative Situations Arising under Verbal Investigative Actions with a Juvenile Defendant], *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 2012, vol. 17, no. 2, pp. 1115–1119.
- Makarenko I. A. *Problemy dopustimosti psikhologicheskogo vozdeistviya na nesovershennoletnikh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [Issues of Admissibility of a Psychological Impact on Minor Participants of Punitive Proceedings], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Ekonomika i pravo*, 2011, no. 2, pp. 125–128.
- Milyukova I. A., Khokhlov E. V. *Trudovaya zanyatost' podrostkov kak faktor sotsial'noi bezopasnosti: opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Teenagers Employment as a Factor of Societal Security: An Analysis of Results of Sociological Research], *Studia Humanitatis Borealis*, 2013, no. 1, pp. 73–83.
- Ratinov A. R. *Sudebnaya psikhologiya dlya sledovatelei* [Forensic Psychology for Investigators], Moscow, Yurlitinform, 2001, 352 p.
- Safuanov F. S., Vaske E. V. *Psikhologicheskii analiz motivatsii prestupnykh deistvii nesovershennoletnikh pravonarushitelei pri sovershenii gruppykh i individual'nykh deliktov* [Psychological Analysis of the Motivation of Criminal Actions of Juvenile Offenders in the Commission of Group and Individual Torts], *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*, 2010, no. 2, pp. 123–135.
- Tsentrov E. E. *Otsenka dostovernosti priznaniya litsom svoei viny v tselyakh ego otgranicheniya ot samoogovora i ogovora* [Assessing the Reliability of a Person's Confession of Guilt in

Order to Distinguish It from Self-Incrimination and Stigmatization], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 11: Pravo*, 2020, no. 1, pp. 21–42.

Tsentrov E. E. *Rukovodstvo po sledstvennoi taktike* [Investigative Tactics Manual], Moscow, Norma, Infra-M, 2024, 576 p., DOI: 10.12737/2090010.

Volchetskaya T. S. *Kriminalisticheskaya situologiya* [Forensic Situology], Kaliningrad, KGU, 1997, 248 p.

Elena Shishkina – honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, candidate of juridical sciences, associate professor, associate professor of the Department of criminalistics, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: evsh18@mail.ru.

ORCID: 0000-0003-4152-3396

Дата поступления в редакцию / Received: 08.10.2024

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 21.10.2024